

нет? Он слишком жадно и страстно любил жизнь, со всем, что жизнь может человеку дать, чтобы без содрогания примириться с ее телесным, материальным распадом и исчезновением. Но наперекор этому содроганию у него всегда, в каждой его строчке, слышится торжественная, торжествующая уверенность, что смерть все уничтожить не может, — и удивительно, что с годами, до самых последних его писаний, эта уверенность становилась все очевиднее. Будто две чашки весов: на одной была вся сила смерти, на другой — все ее бессилие или, вернее, вся сила чего-то, на нее восставшего, ей враждебного, — и хоть еле-еле, с каким-то огромным, мучительным напряжением, а все-таки вторая чаша перетягивает первую.

В конце концов, единственное, что Бунин говорит: все хорошо в мире! В самой двойственности своей, в изначальной своей противоречивости мир прекрасен. Чем была бы наша жизнь, не будь в ней того, что нас ужасает, — но не должны ли мы ужас этот преодолеть?

С этой мыслью вспомним сегодня и его самого, того, кто именно ее передал нам как свое завещание: вспомним, не стараясь заглушить еще живую боль утраты, но вместе с тем все сильнее утверждаясь в чувстве, что эта боль должна раствориться в радости непрекращающегося общения, присутствия, может быть, даже безотчетного воздействия на наши поступки, дела и решения. Иван Алексеевич не любил громких слов, и, пожалуй, сейчас, слушая эти строки или читая их, покачал бы головой и сказал бы со своей всегдашней притворной ворчливостью: «Бог знает что вы обо мне написали... вовсе я и не думал ничего такого».

— Но ведь вы никогда не говорите о том, о чем думаете, — сказал я ему как-то в разговоре на такую же приблизительно тему.

Иван Алексеевич усмехнулся:

— Что правда, то правда! Не говорю. А о чем я думаю? Все ведь больше о том, о чем должен бы думать каждый человек.

Каждый человек — по его представлению о человеке, — должен бы думать об этих вечных «да» и «нет». Но думать без колебаний в ответе, т. е. склоняясь именно к толстовскому «смерти нет». Случается, что выбрать надо между низкой истиной и возвышающим обманом. По счастью, в данном случае это не так: именно обман нас унизил бы, а возвышает — истина.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-111-117

© А. В. БАКУНЦЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ И. А. БУНИНА В ФОНДАХ ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А. А. БАХРУШИНА*

С точки зрения буниноведения, Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина (ГЦТМ) — архивохранилище далеко не «профильное»: он не имеет прямого отношения

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01410-П) в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Автографы И. А. Бунина публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. Автор считает своим долгом поблагодарить за помощь, оказанную при подготовке данной статьи, сотрудников ГЦТМ, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично С. Н. Морозова (ИМЛИ РАН).

ни к литературе в целом, ни тем более к биографии И. А. Бунина. Однако и здесь — подобно целому ряду других, таких же условно «непрофильных» архивохранилищ¹ — содержатся материалы, связанные с жизнью и творчеством (а иногда и просто с именем) писателя, в том числе пять его автографов, относящихся к периоду 1902–1938 годов.²

Само по себе присутствие этих автографов в фондах именно *театрально-го* музея делает почти неизбежным обращение к теме «Бунин и театр» — теме многоплановой, увлекательной, насыщенной характерными для писателя парадоксами.³ Но, как бы ни хотелось углубиться в эту тему, характер собранного материала вынуждает нас коснуться лишь одного ее аспекта — а именно бунинского отношения к актерам.

С одной стороны, как известно, Бунин в своем творчестве актеров не жаловал и не щадил. В прозе изображал их гротескно, шаржево (вспомним соответствующие строки в «Митиной любви», в «Жизни Арсеньева»).⁴ В публицистике мог задаться исполненным едкого сарказма риторическим вопросом на их счет: «Откуда у русских актеров такая ненасытная жажда льстить, — хвалить без всякой меры, восхищаться до непристойности, быть столь несдержанным в словах? / Чрезвычайно типичная черта вообще для русской натуры, а для актерской (сугубо эмоциональной, женственной) особенно».⁵ В воспоминаниях об А. П. Чехове утверждал, что автор «Чайки» «не любил актрис и актеров», и с явным сочувствием приводил его слова о них: «На семьдесят пять лет отстали в развитии от русского общества. Пошлые, насквозь прожженные самолюбием люди...».⁶

¹ Среди таковых — Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный военный архив, Архив Техасского университета, Эстонский государственный архив, Латвийский государственный исторический архив, Государственный исторический архив Литвы, Государственный архив Одесской области, Архив Сербской академии наук и искусств и др. Бунинские материалы из этих архивохранилищ представлены в наших публикациях и исследовательских работах (см.: Бакунцев А. В. 1) И. А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. М., 2012; 2) И. А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 70–91; Иван Бунин: Неизвестные письма дореволюционного периода (1897–1901) // Публ., вступ. статья, подг. текста и прим. А. Бакунцева // Москва. 2015. № 1. С. 211–217, и др.).

² Думается, заслуживают отдельного рассмотрения — хотя бы в виде беглого обзора — материалы фондов ГЦТМ, опосредованно связанные с Буниным. В числе таковых: переписанные от руки бунинские стихотворения в фондах М. Н. Ермоловой и М. Ф. Астангова; черновые наброски статьи или доклада о творчестве писателя в фонде критика И. И. Джонсона; киносценарий А. М. Роома «Солнечный удар», переданный дочерью режиссера М. М. Козакову и отложившийся в фонде последнего.

³ Едва ли не главным среди них является сочетание общеизвестной неприязни Бунина к театру, к театральной условности с острым, поистине неистребимым интересом к сценическим новинкам и со страстной, возникшей еще в юности, но так и не сбывшейся мечтой сказать свое, самобытное слово в области драматургии (см.: Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; подг. текстов и комм. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М., 2003. С. 36, 318, 411; Лит. наследство. 1973. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. / Ред. А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин при участии Т. Г. Динесман. Кн. 1. С. 380; Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. М., 2004. С. 187–189; [Б. п.]. Пьеса И. А. Бунина // Последние новости. 1937. 20 мая. № 5899. С. 3).

⁴ См.: Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. / Сост., подг. текстов и прим. А. К. Бабореко. М., 2000. Т. 8. С. 219–221, 291, 295.

⁵ Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. статья О. Н. Михайлова; комм. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 2000. С. 182.

⁶ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 225. Впрочем, не исключено, что в действительности Чехов ничего подобного не говорил и Бунин вложил в его уста собственные суждения (современные чеховеды Л. Е. Бушканец, И. Е. Гитович, Л. А. Мартынова в ходе частного общения с автором данной статьи выражали уверенность, что бунинские воспоминания о Чехове достоверны далеко не во всем).

С другой стороны, Бунин, сам обладавший редкой артистичностью (что засвидетельствовано целым рядом современников), лично знал многих театральных деятелей, а с некоторыми из них (например, с Ф. И. Шаляпиным) даже дружил.

Автографы, о которых пойдет речь в нашей статье, также свидетельствуют о более или менее тесных контактах писателя с представителями этой профессии.

* * *

Как указывалось выше, в ГЦТМ хранится пять бунинских автографов. Самый ранний среди них, относящийся к дореволюционному периоду жизни и творчества писателя, был обнаружен в 1965 году и спустя почти 40 лет воспроизводился заново.⁷ Об этом автографе мы упоминаем лишь для полноты картины. Он являет собой подпись: «Иван Бунин» — под текстом коллективного поздравительного адреса, преподнесенного Шаляпину в день его бенефиса в Большом театре 3 декабря 1902 года. Помимо Бунина, адрес подписали М. Горький, К. П. Пятницкий, А. Н. Алексин, Скиталец (С. Г. Петров), Н. Д. Телешов, Е. Н. Чириков, Л. Н. Андреев, С. А. Скимунт. Подпись Бунина стоит первой, однако авторы комментария к этому документу в томе бунинских «Писем 1885–1904 годов» высказывают предположение, «что главным участником написания адреса был Горький».⁸ Сам документ хранится в фонде Шаляпина.⁹

Также был опубликован один из автографов, отложившихся в фондах А. Н. Плещеева — А. А. Плещеева — Е. Н. Рощиной-Инсаровой (Ф. 210) и А. Ф. Городецкого (Ф. 76) — об этом мы скажем в свое время.

Представляется целесообразным предварить рассмотрение этих автографов краткой справкой о каждом из тех, кому они первоначально принадлежали.¹⁰

Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (урожденная Пашенная, в замужестве графиня Игнатьева, 1883–1970) — потомственная актриса, дочь знаменитого актера Н. П. Рощина-Инсарова, сестра В. Н. Пашенной. До революции служила в московских и петербургских театрах, в эмиграции играла в составе русских трупп в Париже и Риге (в столице Латвии у нее были также собственные Камерный театр и театральная студия), занималась общественной деятельностью.¹¹

Бунин как зритель хорошо знал ее отца: еще юношей, в январе 1891 года, в Орле он видел Рощина-Инсарова в роли Чацкого и потом в письме к В. В. Пашенко восхищался его игрой.¹² С самой же Рощиной-Инсаровой писатель мог познакомиться в октябре 1912 года, на поэтическом вечере в московском

⁷ См.: Лит. наследство. 1965. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. С. 164–165, 167 (факсимиле); Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 454–455.

⁸ Морозов С. Н., Голубева Л. Г., Костомарова И. А. Комментарии // Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 709.

⁹ См.: ГЦТМ. Ф. 303. Оп. 1. № 259. КП 166576. Адрес стилизован под древнерусский свиток, с сургучной печатью.

¹⁰ При составлении этой справки использовались материалы «Путеводителя по рукописным фондам Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина» (М., 2002) и 3-томного биографического словаря «Российское зарубежье во Франции, 1919–2000» (М., 2008–2010).

¹¹ Подробнее о Рощиной-Инсаровой см.: Литаврина М. Г. Русский театральный Париж: 20 лет между войнами. СПб., 2003. С. 105–120; Максимова В. А. Е. Н. Рощина-Инсарова в Париже (Первые годы эмиграции) // Диалог культур. Проблемы взаимодействия русского и мирового театра XX века: Сб. статей. СПб., 1997. С. 72–92.

¹² См.: Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 62.

Литературно-художественном кружке.¹³ Так или иначе, в начале 1920-х годов писатель и актриса уже были знакомы — об этом говорят дневники В. Н. Буниной. В сделанной ею 2/15 июня 1921 года записи значится: «Вчера у Рощиной-Инсаровой было приятно: простая квартира, простые хозяева. Муж ее, граф Игнатъев,¹⁴ мне понравился, типа Николая Ростова, честный, дородный офицер, прекрасный сельский хозяин, к ней очень не подходит. Она прежде всего актриса. Не умеет находить простых слов и говорить не в повышенном тоне».¹⁵

В той же записи впервые упоминается Александр Алексеевич Плещеев (1858–1944) — прозаик, драматург, мемуарист, театральный и литературный критик, издатель, историк балета, артист, сын поэта А. Н. Плещеева: «Был там и Плещеев <...> кажется, милый, но очень недалекий человек».¹⁶ Подобно Рощиной-Инсаровой, Плещеев активно участвовал в культурной (театральной и литературной) жизни Русского Зарубежья, печатался в эмигрантской прессе, выпустил ряд книг.

Рощину-Инсарову и Плещеева-младшего связывала дружба еще с дореволюционной поры. «Этот милейший Плещеев-младший, — вспоминал Б. К. Зайцев, — поклонник и почитатель, назывался в дружеском кругу „Пума серебрястый“ (за нежную седину волос). Обломок барства-рыцарства прежней России, <...> многое видел он на своем веку. Театрально-артистический и литературный мир, особенно дореволюционный, знал наизусть. Разумеется, бездонный поклонник Рощиной. Лет ему было за семьдесят. „Катю“ обожал как ребенка, дочь и, разумеется, артистку. Она тоже его любила — думаю, считала необходимой принадлежностью бытия своего».¹⁷ Однако нам представляется, что чувства актрисы были не менее искренними, чем чувства ее поклонника и «летописца» (Плещеев писал о Рощиной-Инсаровой книгу, которая осталась незаконченной). Во всяком случае, именно Рощина-Инсарова сберегла архив Плещеевых — отца и сына, присоединив его к собственному.

Судя по имеющимся документальным материалам, общение Бунина с Рощиной-Инсаровой и Плещеевым-младшим не отличалось интенсивностью: имена обоих упоминаются только в дневниках В. Н. Буниной (и всего по два раза),¹⁸ а в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе сохранились лишь два послания от Плещеева (1926-го и 1933 годов) и одно — от Рощиной-Инсаровой (1947 года).¹⁹ В любом случае, и актриса, и ее друг входили в число постоянных, хотя и не близких, знакомых Бунина.

¹³ См.: *Летопись жизни и творчества И. А. Бунина*. М., 2017. Т. 2. 1910–1919 / Сост. С. Н. Морозов. С. 281.

¹⁴ Игнатъев Сергей Алексеевич (1888–1955) — офицер-гвардеец, правовед.

¹⁵ Устами Буниных. Дневники И. А. и В. Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М. Грин; вступ. статья Ю. В. Мальцева. М., 2005. Т. 2. С. 35. В. Н. Бунина проявила редкую проницательность: уже в 1928 году Рощина-Инсарова и граф Игнатъев развелись.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Зайцев Б. К.* Отблески вечного: Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью. СПб., 2018. С. 425.

¹⁸ Помимо процитированной выше записи от 2/15 июня 1921 года, см. записи от 4/17 июня 1921 года — о Рощиной-Инсаровой и от 24 сентября 1930 года — о Плещееве (Устами Буниных. С. 36, 188).

¹⁹ См.: *Heywood A. J.* Catalogue of Bunin, Bunina, Zurov and Lopatina Collections / Ed. by Richard D. Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2011. P. 108, 112. В то же время в коллекции В. Н. Буниной сохранилось 11 писем от Рощиной-Инсаровой за 1951–1959 годы (Ibid. P. 273). В. А. Максимова не без оснований называет жену писателя среди «корреспондентов, близких и дальних друзей» актрисы в пору эмиграции (см.: *Максимова В. А.* Е. Н. Рощина-Инсарова в Париже. С. 82). Ряд упоминаний имен Плещеева и Рощиной-Инсаровой имеется также в переписке Буниных с Тэффи (см.: *Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными* / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // *Диапора: Новые материалы*. СПб., 2001–2002. Вып. 2. С. 499–500, 518, 545, 547, 552, 559, 565; Вып. 3. С. 592).

В отличие от Плещеева и Рожиной-Инсаровой, актер и коллекционер Александр Федорович Городецкий (наст. фам. — Генварский, 1888–1953), очевидно, принадлежал к числу «оказиональных» знакомцев писателя: его имя не встречается ни в эпистолярии, ни в дневниках Бунина и его жены. В Париже Городецкий играл в театре «Летучая мышь», в Русском драматическом театре, в Русском литературно-артистическом кружке, собрал театральную коллекцию, организовал частный музей «Русская изба»; во время Второй мировой войны участвовал во французском Сопротивлении, а после победы над нацизмом перебрался в Чехословакию.

* * *

Как отмечалось выше, в совместном фонде Плещеевых–Рожиной-Инсаровой хранится два бунинских автографа. Оба представляют собой письма: одно из них, «пневматическое», от 5 июля 1921 года, адресовано Плещееву,²⁰ другое — обычное, недатированное — Рожиной-Инсаровой.

Содержание «пневматички» на имя Плещеева связано с участием Бунина в деятельности Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции — одной из крупнейших эмигрантских филантропических организаций, целью которой была всемерная поддержка русской культуры за рубежом. На практике эта поддержка выражалась не только в финансировании разных проектов, творческих вечеров и т. п., но и в выплате небольших денежных пособий нуждавшимся писателям и ученым по исходившим от них самих или от их доверенных лиц специальным запросам.²¹ Бунин не раз ходатайствовал перед Комитетом за своих знакомых-литераторов, которым требовалось срочное вспомоществование.

В бунинском послании к Плещееву говорится:

«Дорогой Александр Алексеевич,

Наш „Комитет“ постановил выдать Вам то, что был в силах, — Вы, вероятно, эти деньги уже получили (от нашего казначея, которому я дал Ваш адрес). Позвольте посоветовать Вам обратиться еще и в „Союз журналистов“ к Милюкову (5, place du Palais Bourbon).

Ваш Ив. Бунин»,²²

В архиве Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции сохранилась расписка Плещеева от 11 июля 1921 года, из которой явствует, что Комитет «ассигновал» Плещееву «ссуду в размере трехсот франков».²³ Последовал ли Плещеев бунинскому совету обратиться в Союз русских писателей и журналистов в Париже, также оказывавший в особых случаях финансовую помощь литераторам-эмигрантам, неизвестно.

Что же касается бунинского письма к Рожиной-Инсаровой, то в описях ГЦТМ оно датировано 21 декабря 1926 года — «по дню юбилея Рожиной-Инсаровой». Музейные архивисты в данном случае имели в виду 25-летний юбилей сценической деятельности актрисы — весьма заметное событие

²⁰ Дата установлена по штемпелю на бланке.

²¹ Подробнее о Комитете см.: Кельнер В. Е., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1994. Т. 1. С. 269–313. Архив Комитета сегодня разделен на две неравные части: меньшая находится в Российском государственном архиве литературы и искусства, большая — в Библиотеке современной международной документации (BDIC, Париж — Нантер). Французская часть архива оцифрована и представлена на сайте: <http://www.calames.abes.fr/pub/lacontemporaine.aspx#details?id=FileId-816> (дата обращения: 30.04.2020).

²² ГЦТМ. Ф. 210. Оп. 1. № 150. КП 166236. Л. 1.

²³ BDIC. F/DELTA/RES/0832/1/6/119.

в культурной жизни русского Парижа.²⁴ Однако, поскольку мы не знаем, когда именно было написано бунинское послание к Рождиной-Инсаровой — в день ее чествования или накануне, — этот документ следует датировать «с оглядкой», используя формулировку «около 21 декабря 1926 года».

В своем письме Бунин сообщал:

«Дорогая Екатерина Николаевна,

Страшно жалею, что не могу, по нездоровью, быть на Вашем празднике, поздравляю Вас от всей души, дай Бог много, много лет процветать и здравствовать Вам и Вашему прекрасному таланту. Целую Ваши ручки.

Ваш Ив. Бунин».²⁵

Эти строки (в числе прочих «поздравлений, писем, телеграмм, спичей, статей, стихов»²⁶) с небольшими изменениями были воспроизведены в сборнике, который вышел в Париже через год после юбилея актрисы.²⁷

Бунинские автографы, отложившиеся в фонде Городецкого, гораздо менее содержательны, чем только что рассмотренные нами. Тем не менее они также представляют известный интерес — в том числе с точки зрения своего «происхождения».

Например, можно только догадываться, каким образом к Городецкому попал один из них — сделанная рукой Бунина надпись на фрагменте конверта от предназначавшегося А. А. Плещееву (!) письма, которое, видимо, не сохранилось. Должно быть, коллекционер выпросил или выкупил этот клочок бумаги у бунинского адресата для своего собрания автографов.

Судя по почтовому штемпелю, письмо было отправлено из Канн 8 октября 1926 года. В адресном поле значится:

«„La Renaissance“

Quotidien russe

2, rue de Sèze

Paris IX²⁸

Es. С. Т. Будагову для А. А. Плещеева от Ив. Бунина».²⁹

Второй бунинский автограф в собрании Городецкого являет собой росчерк в особом, коллекционерском альбоме:

«Ив. Бунин 29.III.38

Париж».³⁰

Этот росчерк Городецкий мог получить при встрече с писателем в каком-нибудь частном или публичном собрании.

Разумеется, хранящиеся в фондах ГЦТМ автографы Бунина — весьма незначительная (и по количеству, и по содержанию) часть гигантского рукописного наследия, оставленного писателем. Тем не менее (в особенности с учетом того, что это наследие разрознено и рассеяно по всему миру) сам факт их обретения представляется немаловажным — причем не только в контексте изуче-

²⁴ См.: Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: В 3 т. / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. Paris; М., 1995. Т. 1. С. 296.

²⁵ ГЦТМ. Ф. 210. Оп. 1. № 973. КП 165597. Л. 1.

²⁶ Максимова В. А. Е. Н. Рождина-Инсарова в Париже. С. 74.

²⁷ См.: Двадцатипятилетие сценической деятельности Е. Н. Рождиной-Инсаровой. Новые характеристики и мысли З. Н. Гиппиус, Н. А. Тэффи, К. Д. Бальмонта, Георгия Гребенщикова, Бор. К. Зайцева, Д. С. Мережковского, Вас. И. Немировича-Данченко, А. И. Южина, Сергея Яблоновского. Чествование Е. Н. Рождиной-Инсаровой в Париже. Портреты артистки, факсимиле письма к ней А. И. Куприна и пр. Париж, 1927. С. 22 нenum.

²⁸ «Возрождение». Русская ежедневная газета. Улица Сэз, дом 2. Париж, IX округ (фр.).

²⁹ ГЦТМ. Ф. 76. Оп. 1. № 87. КП 196089/735. Л. 1. Личность С. Т. Будагова установить не удалось.

³⁰ ГЦТМ. Ф. 76. Оп. 1. № 134. КП 259866/526. Л. 5 об.

ния личной и творческой биографии Бунина, но и в более общем контексте исследований по истории культуры Русского Зарубежья.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-117-129

© Т. М. ДВИНЯТИНА

«ЗА СТЕНАМИ РАЗРУШЕННОГО И ПОРУГАННОГО СИОНА»: И. А. БУНИН В 1917–1921 ГОДАХ*

Свойственные Бунину полярность «повышенного душевного строя» и оксюморонная «прошивка» художественной ткани его произведений составляют едва ли не главные отличительные признаки, по которым можно сразу узнать писательский стиль и явленный в нем образ бунинского мира. Эти черты принадлежат самому общему уровню бунинского мира — личности автора, и наиболее конкретному уровню его произведений — их образно-стилевым особенностям.

Но и в биографической канве, сочленениях самой жизни те же полюса напряженного счастья и оглушительной, извне настигшей трагедии порой вплотную подходили друг к другу. Вглядываясь в жизнь Бунина с почти вековой дистанции, можно увидеть, что и сам жизненный сюжет его был в существенной своей части построен на чередке моментов, максимально ясно и едва ли не одновременно воплощавших противоположные и взаимно усиливающие друг друга переживания бытия.

В этом отношении, может быть, самым насыщенным периодом были первые годы после крушения всей той России, которую Бунин в своей огненной публицистике рубежа 1910–1920-х годов назвал *разрушенным и поруганным Сионом*.¹ Собственная задача стала ясна Бунину уже за пределами отечества: воссоздать, спасти и сохранить живой образ погибшего мира единственным подвластным ему способом — словом. Выражение из его же стихов — «Лишь слову жизнь дана»² — сбывалось теперь так, как он и предположить не мог, когда писал их в начале 1915 года. Казалось, что между теми зимними днями в Глотове, когда набрасывались эти строки, и осуществлением сказанного в них разверзлась пропасть.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-012-41004). Тексты И. А. и В. Н. Буниных печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. Благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса за постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием и С. Н. Морозова, чей фундаментальный труд — «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» — является неперменной основой при обращении к конкретным периодам жизни писателя.

¹ В заголовок работы вынесена цитата из статьи Бунина «В этот день», написанной в 1919 году (Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. статья О. Н. Михайлова; комм. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998. С. 27–29). Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Публицистика*, с указанием номера страницы.

² Стихотворение «Слово» («Молчат гробницы, мумии и кости...»); Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Т. М. Двинятиной. СПб., 2014 (Новая Библиотека поэта). Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: *Стихотворения*, с указанием номера тома и страницы.